

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ДЖОН МЭДДОКС
РОБЕРТС

SPQR IV
ХРАМ МУЗ

Москва
2015

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

John Maddox Roberts

SPQR IV. THE TEMPLE OF THE MUSES

© 1992 by John Maddox Roberts

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Робертс, Джон Мэддокс.

P58 SPQR IV. Храм муз / Джон Мэддокс Робертс ; [пер. с англ. И. Данилова]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-80194-7

В Вечном городе кипят интриги и проливается кровь — к власти рвется Гай Юлий Цезарь. Имея множество врагов, сенатор Деций Луцилий Метелл-младший почел за благо удалиться из Рима куда-нибудь, где точно так же звучит музыка и льется вино, но не шныряют наемные убийцы. Как нельзя лучше подошла Александрия — второй по великолепию город Античного мира. Присоединившись к дипломатической миссии, Деций уже предвкушал пирушки в царском дворце и ученые беседы с философами великой Библиотеки. Но боги, кажется, не уготовили ему ни минуты спокойной жизни: первое же застолье омрачается убийством одного из ученых мужей. И римский «Шерлок Холмс» начинает новое расследование...

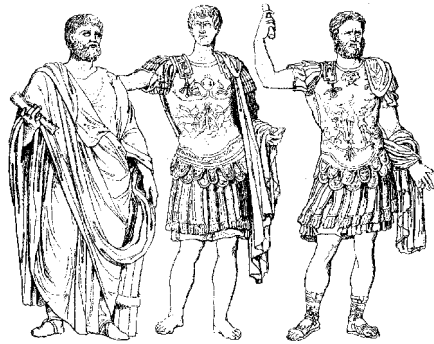
УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Данилов И., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80194-7

ГЛАВА I

Я никогда не принадлежал к тем, кто полагает, что лучше умереть, чем покинуть Рим. Сказать по правде, я много раз бежал оттуда, чтобы спасти свою жизнь. Однако для меня жизнь вдали от Вечного города обычно являет собой своего рода смерть заживо, некое подвешенное состояние где-то в пространстве за Стиксом¹, где все жизненные процессы замерли и остановились, где ощущаешь, что все важные события происходят вдали от тебя. Но из этого правила есть и исключения. Одно из них — Александрия.

Я отлично помню, как впервые увидел этот город, словно это было только вчера, хотя, стоит отметить, на данный момент о том, что со мною было вчера, я вообще ничего не помню. Конечно, когда приближа-

¹ Стикс — в древнегреческой мифологии река, отделяющая мир живых от царства мертвых. (*Здесь и далее прим. перев.; все даты в примечаниях относятся ко времени до новой эры*).

ешься к Александрии со стороны моря, самого города не видно. Сперва перед глазами встает знаменитый Фаросский маяк.

Когда мы были еще в добрых двадцати милях от берега, он был похож на сероватую расплывчатую точку на горизонте. Нужно сказать, мы, как последние идиоты, плыли сюда напрямик, пересекая море: видимо, нашему капитану были чужды советы разумных людей, считавших, что в плавании главное — придерживаться берегов. Но это еще не все, наш идиотизм зашел еще дальше, чем можно себе представить, — мы шли не на торговом судне с широким корпусом, способным выдержать любой шторм в открытом море, а на роскошной боевой галере, отделанной таким количеством краски и золота, которое вполне могло бы утопить корабль поменьше. На носу нашей посуды, прямо над тараном, красовалась парочка бронзовых крокодилов, и казалось, что из их зубастых пастей потоками истекла пена, когда быстро мелькающие в воздухе весла несли нас вперед по волнам.

— А вот и Александрия, — сказал мне шкипер нашего корабля, суровый киприот с обветренным лицом и в римской тоге.

— Быстро мы добрались, — ворчливо заметил мой высокопоставленный родственник, Метелл Кретик. Подобно большинству римлян, мы с ним ненавидели море и вообще все, связанное с морскими путешествиями. Именно поэтому мы и избрали самый опасный из маршрутов в Египет. Так оно вышло быстрее. Нет на

свете ничего быстрее римской триремы*¹, идущей на всех веслах, а мы заставляли наших гребцов работать в поте лица с того самого момента, как покинули берега Массалии².

Перед этим мы с ним были в Галлии, выполняли скучную и утомительную посольскую миссию с целью убедить кучку недовольных и недружелюбно настроенных галлов не присоединяться к бунтующим гелл-ветам*. Я ненавижу и презираю галлов, так что был крайне рад, когда Кретик получил от Сената* новое поручение и должен был отправиться с посольством в Египет.

На носу нашей галеры имелась очаровательная надстройка, миниатюрная крепостица, она была со- оружена впереди мачты, и я забрался туда, на боевую платформу, чтобы лучше все видеть. Через некоторое время пятно на горизонте превратилось в явный столб дыма, а еще немного погода стала видна и сама башня маяка. С такого большого расстояния не было возможности сравнить ее высоту с чем-либо, так что было трудно поверить, что это одно из семи чудес света.

— Это и есть знаменитый маяк³? — Вопрос задал мой раб Гермес. Он влез сюда следом за мной, немного неуверенно. Его еще сильнее, чем меня, донимала мор-

¹ Здесь и далее слова, отмеченные астериском, см. в глоссарии в конце книги.

² М а с с а л и я — греческая колония, основанная около 600 г., современный Марсель.

³ Ф а р о с с к и й м а я к — одно из тогдашних «семи чудес света», маяк у входа в гавань Александрии на острове Фарос. Построен в 299–279 гг.; высота башни 110 метров. Разрушен землетрясением в 1326 г.

ская болезнь, и это вызывало у меня некоторое чувство удовлетворения.

— Говорят, вблизи он производит еще более сильное впечатление, — заверил его я.

Издали маяк выглядел как высокая и тонкая колонна, ослепительно-белая в ярком полуденном солнечном свете. Когда мы подошли ближе, я разглядел, что тонкая колонна стоит на более толстой, а та — на еще более толстой и мощной. Потом мы увидели и сам остров Фарос, и тут я начал осознавать, насколько он огромен, этот маяк, доминирующий надо всем островом, который сам по себе был достаточно велик, чтобы закрывать собой весь вид на великий город Александрию.

Маяк стоял на восточной оконечности острова, и именно туда мы и направлялись, поскольку намеревались войти в Большую Гавань. За западной оконечностью острова располагается Гавань Эвностос, Гавань Счастливого Возвращения, из которой корабли могут пройти в канал, соединяющий город с Нилом, или могут идти дальше, к озеру Мареотис, что находится южнее. Поэтому Гавань Эвностос — самая удобная гавань для торговых судов. Но мы приплыли сюда с поручением от правительства, поэтому нас должны были принять в Царском Дворце, а тот располагался как раз на берегу Большой Гавани.

Когда мы обогнули восточный конец острова, Гермес задрал голову, чтобы получше рассмотреть маяк. Там, наверху, был виден небольшой павильон или беседка, из которой вылетали клубы дыма и языки пламени, гонимые легким бризом.

— А он и впрямь очень высокий, — должен был признать Гермес.

— Говорят, больше четырехсот футов¹ в высоту, — уверил его я.

Прежние цари из диadoхов*, что наследовали Великому Александру, строили огромные здания и сооружения, способные соперничать с постройками времен фараонов. Гигантские, чудовищно огромные гробницы, храмы и статуи этих древних правителей не имели никакого практического применения, они просто впечатляли и подавляли, и в этом-то и заключалось их основное предназначение. Мы, римляне, вполне можем это понять. Это очень важно — производить на народ должное впечатление. Сами мы, конечно же, предпочитаем строить более полезные вещи: дороги, мосты и акведуки к примеру. Но Фаросский маяк был, по крайней мере, весьма полезным сооружением, пусть и слишком высоким.

Когда мы прошли между островом Фарос и мысом Лохиас, перед нами открылся вид на весь город — и это было зрелище, от которого захватывало дух. Александрия располагалась на полосе земли, отделяющей озеро Мареотис от дельты Нила. Великий Александр выбрал это место, чтобы его новая столица была частью эллинского мира, а не старого, битком набитого жрецами Египта. Это было мудрое решение. Весь город был построен из белого камня, и это производило поразительный эффект, словно я смотрел не на что-то реальное, а на модель идеального города. Рим — не самый красивый город, хотя и в нем имеются прекрасные здания. Александрия несравненно прекраснее. И население здесь больше, чем в Риме,

¹ Римский фут составлял 29,6 см.

но нет той тесноты и скученности. Город здесь вырос не сам по себе, как большинство городов. Он был заранее спланирован, размечен и выстроен как великий город. На этой плоской равнине все высокие здания были отлично видны из гавани, начиная с Серапеума, огромного храма Сераписа в западном квартале, до странного искусственного холма Панеума с храмом бога Пана в восточном конце города.

Самый большой комплекс зданий являл собой царский дворец, который растянулся от Лунных ворот на восток, вдоль серповидного, закругляющегося берега озера и мыса Лохиас. Там был еще и Островной дворец, в самой гавани, царский причал, а также царская гавань, прилегающая к дворцовому комплексу. Птолемеи¹ любили жить стильно и с удобствами.

Я спустился обратно на палубу и послал Гермеса, чтоб он принес мне мою самую лучшую тогу. Моряки чистили на палубе свое оружие, но наша миссия была строго дипломатической, так что мы с Кретином не стали облачаться в военную форму.

Облаченные в лучшие одежды, окруженные почетной охраной, мы приблизились к причалу, ближайшему к Лунным воротам. Над ними красовалась статуя древнеегипетской богини неба Нут, прелестная, но какая-то чрезмерно вытянутая. Ее ноги упирались на одну сторону ворот, удлиненное тело, выгнутое аркой, нависало над ними, а кончики пальцев лежали на противоположной стороне. Тело было выкрашено в глубокий синий цвет и усыпано звездами, и под этой

¹ Птолемеи — македонско-греческая династия царей Египта, наследники Птолемея Сотера, одного из полководцев Александра Македонского. Правили с 323 до 30 г. до н.э.

аркой висел огромный бронзовый сигнальный гонг, выполненный в виде солнечного диска. Мне еще предстояло повсюду в Александрии наблюдать подобные напоминания о древнеегипетских религиозных культах, хотя во всем остальном город был греческим.

Мы устремились к каменному причалу, словно намереваясь его протаранить и утопить. Но в самый последний момент шкипер проорал какую-то команду, весла глубоко погрузились в воду и остались там, подняв облако брызг. Корабль быстро потерял ход и мягко остановился возле каменной стены.

— Я мог бы прицепить розу на кончик тарана, и она не потеряла бы ни единого лепестка, — заявил шкипер с вполне оправданной гордостью, пусть и слегка преувеличивая. Весла тут же убрали, на берег перебросили причальные канаты, трирему притянули и пришвартовали к пирсу. Потом с помощью выносной стрелы тяжелый абордажный мостик был опущен на каменный настил пирса, и наши воины выстроились вдоль его ограждения, блестя на солнце старомодными бронзовыми нагрудниками.

Чтобы нас приветствовать, из города явилась целая делегация — придворные и чиновники в египетских одеждах, а римляне из посольства — в тогах*. Чтобы нас развлечь, египтяне не забыли привести с собой артистов. Тут были и акробаты, и дрессированные обезьяны, и обнаженные танцовщицы, гибкие и вертлявые. Римляне держались более величественно и с большим достоинством, хотя некоторые заметно пошатывались, уже пьяные, несмотря на ранний час.

— Думаю, мне здесь понравится, — сказал я, когда мы спускались по мостику на причал.

— Да уж, в этом сомневаться не приходится, — ухмыльнулся Кретик.

Моя семья в те дни была обо мне невысокого мнения.

Барабаны гремели, трубы завывали, кифары звенели, а мальчики-рабы размахивали курильницами, обволакивая нас клубами благовонного дыма. Кретик выносил все это со стоическим терпением, достойным его ранга, а мне этот балаган ужасно нравился.

— Добро пожаловать в Александрию, благородный сенатор Метелл! — выкрикнул высокий мужчина, одетый в синюю мантию с широкой золотой каймой. Он обращался к Кретику, не ко мне. — Добро пожаловать, Квинт Цецилий Метелл, Завоеватель Крита!

Вообще-то, это была не бог весть какая война, но Сенат проголосовал за присуждение моему родственнику этого почетного титула, и он был даже удостоен триумфа*.

— Я, Поликсен, Третий евнух двора царя Филопатора Филадельфа Неоса Диониса, XI Птолемея, прошу тебя пожаловать в город, где ты можешь чувствовать себя как дома, как в самом городе, так и во дворце, в знак глубокой любви и уважения, а также прекрасных отношений, которые уже давно установились между Римом и Египтом.

Поликсен, равно как и остальные придворные, носил черный, коротко подстриженный египетский парик и был здорово накрашен: глаза были подведены черным, а красные краски подчеркивали его пухлые щеки и губы.

— А что такое Третий евнух? — тихонько спросил меня Гермес. — Неужто у Первого и у Второго по одному яйцу, или как?

Вообще-то, я и сам задавался этим вопросом.

— От имени Сената и народа Рима, — отвечал Кретик, — я уполномочен и имею честь выразить глубокое уважение, которое мы всегда испытывали к царю Птолемею, к благородным людям и народу Египта.

И после этих слов придворные захлопали в ладоши и возбужденно защебетали, прямо как стая дрессированных голубей.

— В таком случае прошу пройти со мною во дворец, где в вашу честь будет устроен пир.

Вот это уже ближе к делу. Не успел я почувствовать под ногами твердую землю, как ко мне вернулся мой отличный аппетит. И под аккомпанемент барабанов и флейт, кифар и цимбал мы проследовали через Лунные ворота. Кое-кто из встречавших нас римлян последовал за нами, и я узнал одного из них. Это был один из моих кузенов, из рода Цецилиев, известный под кличкой Руфус Рыжий — волосы у него действительно были красноватого оттенка. Ко всему прочему, он был еще и левша. При таком сочетании недостатков он не имел никакого будущего в римских политических играх, поэтому его, при любой возможности, отправляли с разными поручениями за границу. Он хлопнул меня ладонью по плечу и дохнул мне в лицо винным перегаром.

— Рад тебя видеть, Деций. Ты снова стал кому-то неудобен в Риме?

— Наш старик решил, что мне сейчас неплохо побыть где-нибудь подальше. Клодий¹, в конечном итоге,

¹ К л о д и й (просторечная форма патрицианского имени Клавдий). Здесь имеется в виду Публий Клодий Пульхр (92–52 гг.), народный трибун, сторонник Цезаря, примкнувший к плебеям и ставший их предводителем. Позднее возглавил вооруженные отряды бандитов, терроризировавших Рим, и был убит во время народных волнений.

добился перевода в плеbei* и теперь хочет избираться трибуном*. Если он этого добьется, это будет означать, что я и в будущем году не смогу вернуться домой. У него в руках будет слишком много власти, и я, к величайшему моему сожалению, буду не в силах ему противостоять.

— Это скверно, — посочувствовал Руфус. — Но теперь ты попал в единственное место в мире, где ты не будешь скучать по Риму.

— Здесь так здорово? — спросил я, обрадованный такой перспективой.

— Невероятно здорово! Круглый год прекрасная погода, любой разврат, распутство, пьянство и обжорство обходятся крайне дешево, все публичные зрелища и прочие представления — высшего класса, включая гонки на колесницах. Веселье и развлечения не прекращаются даже после захода солнца, и, друг мой Деций, тут ты узнаешь, что тебе никто никогда не целовал задницу так, как это умеют делать египтяне. Они тут любого римлянина считают богом.

— Что ж, я постараюсь их не разочаровать, — откликнулся я.

— И улицы здесь чистые. Хотя тебе не придется много ходить пешком, если, конечно, ты сам этого не захочешь.

После этих слов Рыжий махнул рукой, указывая на носилки, дожидавшиеся нас возле Лунных ворот. У меня отвисла челюсть, как у какого-нибудь провинциала, впервые увидевшего Капитолий*.

Я, конечно, и прежде не раз перемещался по городу в носилках. Те, что используются в Риме, обычно тащат двое или четверо рабов: это медленный, но более достойный способ перемещения, во всяком случае, это лучше,

чем месить ногами грязь и пробираться через мусорные кучи. Но то, что предстало перед моими глазами, было совсем не похоже на то, с чем мне приходилось сталкиваться ранее. Прежде всего, к александрийским носилкам прилагались, по крайней мере, пятьдесят черных нубийцев. Они держали на плечах шесты, длинные, как корабельные мачты. В каждой носилке имелись сиденья, по меньшей мере для десяти человек. Мы забрались в них по специально приставленным лестницам. Усевшись и устроившись, мы спокойно могли заглянуть в окна второго этажа.

Кресло, в которое меня усадили, было изготовлено из черного дерева, инкрустированного слоновой костью и обитого леопардовыми шкурами. Балдахин, натянутый над головой, прикрывал от солнца, а раб, вооруженный опахалом из перьев, отгонял мух и навевал прохладу. Да, здесь было несравненно лучше, чем в Галлии. К моему облегчению, Кретик и евнухи расположились в соседних носилках. Музыканты выстроились где-то под нами, а танцовщицы и акробаты сновали туда-сюда и резвились под шестами, как-то ухитряясь не попадать под ноги носильщикам. И вот мы, словно идола богов в священной процессии, тронулись в путь.

Находясь на немалой высоте, я тут же понял, как такие огромные транспортные средства могут передвигаться по городу. Улицы Александрии были широкие и абсолютно прямые — вещь в Риме совершенно немислимая. Та, по которой мы двигались, пересекала весь город с севера на юг.

— Это улица Сомы¹, — сообщил мне Руфус, доставая из-под кресла кувшин вина. Налил чашу и подал

¹ «С о м а» в переводе с греческого — «Тело».